

© 1991 г.

Ж. Андро

ВЛИЯНИЕ М. И. РОСТОВЦЕВА НА РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И СЕВЕРОАМЕРИКАНСКОЙ НАУКИ

М. И. Ростовцев пользовался большим уважением в научных кругах Западной Европы еще до своего отъезда из России в 1918 г. Позже оно постоянно сохранялось и возрастало и, наконец, превратилось в подлинное поклонение. Так, А. Момильяно писал, что тот, кто знал Ростовцева, узнал, что такое величие¹. Что касается С. Мадзарينو, то он оценивал «Социально-экономическую историю Римской империи» как шедевр современной историографии. Во всем своем блеске талант М. И. Ростовцева проявлялся на международных конференциях и конгрессах 30-х годов. На Историческом конгрессе 1933 г. в Варшаве один бельгийский ученый воскликнул: «Существует только Ростовцев!».

Характер Ростовцева, его репутация спорщика и вспышки гнева, то, как он порой выпивал, могли вызывать улыбку², но в то же время его исключительные научные качества никем не подвергались сомнению.

Однако характер влияния М. И. Ростовцева на научную и интеллектуальную жизнь Западной Европы и США сильно менялся с течением времени. В первые годы изгнания, проведенные сначала в Оксфорде (1918—1920 гг.), затем в Мадисоне (Висконсин) — до прихода в Йельский университет в 1925 г., преобладало недоверие. После публикации «Социально-экономической истории Римской империи» (1926 г.) рецензии были лишь сдержанно одобрительными, а выводы М. И. Ростовцева об античном обществе и упадке Римской империи были приняты скорее плохо. Позже его влияние испытало истинный триумф, продлившийся около 40 лет — с середины 30-х до начала 70-х годов, особенно в англо-саксонских странах: Великобритании и США. Около 1970 г. произошло новое изменение: нарастающее влияние М. И. Финли затмило блеск ростовцев-

¹ А. Момильяно посвятил М. И. Ростовцеву ряд весьма проникновенных статей: *Aspetti di M. Rostovtsev // La Nuova Italia*. 1933. 4. P. 160—164; *Rostovtsev's twofold history of the hellenistic world // JHS*. 1943. 63. P. 116—117; *In memoria di M. Rostovtzev // Rivista Storica Italiana*. 1953. 65. P. 481—495; *M. I. Rostovtzeff // The Cambridge Journal*. 1954. 7. P. 334—346 (перевод: *Momigliano A. Studies in Historiography*. L., 1966. P. 91—104); *Una nota su Rostovtzeff* (введение к итальянск. изд.: *Storia del Mondo Antico*. Firenze, 1965. P. XXVII—XLI). Он пишет о М. И. Ростовцеве и в других статьях, см. указатели к восьми томам его «*Contributi alla Storia degli Studi classici e del mondo antico*».

² См., например, анекдоты, рассказанные А. Момильяно в статье в «*The Cambridge Journal*» (1954. 7. P. 334—346.)

ских идей, которые стали подвергаться открытой критике. Затем наступил четвертый и последний период: несколько лет назад Ростовцев вновь вошел в моду среди историков и археологов. Некоторые, например, в Италии, ссылаются на него, однако отныне Ростовцев в первую очередь стал объектом историографических и культурологических исследований. В основном изучают его формирование в России начала века, политическую активность в рядах конституционно-демократической партии, его историческое мышление и взгляды на историю искусства и археологию, причем они вызывают интерес даже вне зависимости от тех или иных выводов, которые кажутся устаревшими. Я еще вернусь к более детальному рассмотрению каждого из этих четырех периодов, однако прежде было бы полезно определить сам характер влияния, которое Ростовцев оказал на западных ученых.

Научные исследования М. И. Ростовцева о Причерноморье и Южной России, скифах, истории живописи этих районов, азиатском искусстве и т. д. и даже о греко-римском Египте оценены по достоинству лишь узким кругом специалистов, но вовсе не они доставили ему известность³. Некоторые из этих исследований, например касающиеся живописи и скульптуры, вновь начинают раскрываться только сейчас. Даже его книги и статьи о свинцовых тессерах, которые всегда упоминают, говоря о Ростовцеве, известны большинству лишь в самом общем виде, и мало кто из археологов и историков их прочитал. В западных странах на развитие науки повлияли в основном обобщающие труды М. И. Ростовцева: о государственном откупе и колонате, переведенные на немецкий язык, две большие «Социально-экономические истории», сначала опубликованные на английском языке, и, наконец, две книги о папирусном архиве Зенона и караванных городах⁴. Кроме этих книг, показывающих широту кругозора М. И. Ростовцева, своей огромной известностью он обязан своим раскопкам в Дуре Европос, притом больше самим раскопкам, чем публикациям материалов, производившимся под его руководством⁵.

Следует также заметить, что авторитет М. И. Ростовцева коренился в его умении устанавливать тесные связи между историей и археологией. В двух своих самых больших трудах он впервые собрал воедино множество археологических данных в связи с исторической проблематикой и именно для того, чтобы решить исторические проблемы. В этом отношении ни один из последователей М. И. Ростовцева не мог сравниться

³ Библиография А. И. Воронкова «Древняя Греция и древний Рим» (М., 1961) дает названия работ М. И. Ростовцева, опубликованных в России. О его публикациях на Западе см.: *L'Année Philologique*, а также: *Вернадский Г. М. И. Ростовцев // Seminarium Kondakovianum*. 1931. 4. P. 239—252; *Welles C. B. M. I. Rostovtzeff // Historia*. 1956. 5. P. 358—381; *Gilliam J. F. Addenda to the bibliography of M. I. Rostovtzeff // Historia*. 1987. 36. P. 1—8; *Andreau J. Bibliographie des oeuvres de Rostovtzeff // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale de l'Empire romain*. P., 1988. P. 645—675; *idem. Bibliographie des oeuvres de Rostovtzeff // Rostovtzeff M. I. Histoire économique et sociale du monde hellénistique*. P., 1989. P. 1273—1303 (наиболее полная библиография).

⁴ *Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit bis Diokletian // Philologus. Ergänzungsbd 9*. 1902. S. 331—512; *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates // Archiv für Papyrusforschung. Beiheft. 1*. 1910; *A large estate in Egypt in the IIIrd century B. C. Madison*, 1922; *The Social and Economic History of the Roman Empire*. 2 vol. Oxf., 1926 (1957²); *Caravan Cities*. Oxf. 1932; *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. 3 vol. Oxf., 1941 (1953²).

⁵ См., например: *Dura-Europos and its art*. Oxf., 1938; *Dura-Europos // Enciclopedia dell'Arte antica*. Roma, 1960. P. 188—195; см. также *Hopkins C. The Discovery of Dura-Europos*. New Haven — London, 1979.

с ним⁶. Ростовцев сам осознавал эту особенность своего творчества. В своего рода научном завещании, которое он передал в 1941 г. своему ученику С. Б. Уэллзу, Ростовцев писал, что уже со времени обучения в университете, сначала в Киеве, затем в Петербурге, его интересовали одновременно социально-экономическая история и использование археологии для изучения древней истории, и впоследствии он остался верен обоим этим направлениям⁷.

Наконец, следует подчеркнуть, что авторитет Ростовцева всегда был независим от оценок, даваемых Марксу, марксизму и коммунизму. Конечно, всем было известно, что Ростовцев, выбравший в 1918 г. изгнание, был весьма враждебен Советской власти и марксизму, да он и сам совершенно не скрывал этого. Однако в его работах много внимания уделяется общественным классам, а сам Ростовцев был убежден, что политическая история античности, как и современности, в определенной степени отражает эволюцию отношений между этими классами. Некоторым консерваторам нравилось, что Ростовцев в своих работах не придавал большого значения рабам и рабству и утверждал необходимость существования предпринимательской буржуазии как в современном мире, так и во времена греков и римлян. Однако другие были шокированы употреблением терминов «промышленники», «пролетариат», «борьба классов». Например, Н. Бэйнс в своей рецензии на «Социально-экономическую историю Римской империи» писал, возражая Ростовцеву, что римские крестьяне III в. н. э. не читали произведений К. Маркса.

Позже, начиная с 60-х годов, когда во Франции и Италии появились археологи и историки древности — марксисты (в период между мировыми войнами их практически не было ни в Западной Европе, ни в Северной Америке), они нашли в работах Ростовцева много близких идей, например о торговом капитале (или торговом капитализме). В последнее время из специалистов по античности ближе всех к представлениям Ростовцева стоят итальянские марксисты. Таким образом, вовсе не следует думать, что своей популярностью на Западе Ростовцев обязан прежде всего антикоммунизму.

Как мы увидим, эта популярность гораздо в большей степени связана с представлениями (более или менее архаизирующими либо более или менее модернизирующими) об античной экономике. Влияние Ростовцева в наибольшей степени испытывали и охотно его распространяли так называемые «модернисты», которые настаивают на относительной близости античной и современной экономики и считают, что первая не достигла своего полного развития. Сокрушенная стечением внеэкономических обстоятельств (военных, политических или социальных), она не смогла реализовать все свои возможности. Природа античной экономики и характер ее развития вовсе не мешали ей пробиться к подлинной индустриальной революции, что и произошло бы, если бы классовая борьба этому не вос-

⁶ Наиболее значительные труды по социально-экономической истории античности, изданные в Западной Европе и США кроме ростовцевских следующие: *Toutain J. L'économie antique*. P., 1927; *Heichelheim F. P. Wirtschaftsgeschichte des Altertums*. 2 vol. Leyde, 1938; *Frank T. An Economic Survey of Ancient Rome*. 5 vol. Baltimore, 1933—1940; *Finley M. I. Ancient Economy*. L., 1973; *De Martino F. Storia economica di Roma antica*. Firenze, 1980. Ни в одном из них археологические данные не изучаются с глубиной, хотя бы отдаленно напоминающей ростовцевскую.

⁷ Часть этого завещания опубликована: *Welles C. B. Michael Ivanovich Rostovtzeff (1870—1952)* // *The Russian Review*. 1953. 12. P. 128—133; *idem*. M. I. Rostovtzeff // *Gnomon*. 1953. 25. P. 142—144; *idem*. M. I. Rostovtzeff // *Architects and Craftsmen in History*. Festschrift für Abott Payson Usher. Tübingen, 1956. P. 55—73.

препятствовала. Другие, к которым лично я чувствую себя ближе, считают, что античная экономика достигла пределов своего развития и что «продвижение вперед, к новому росту было перекрыто как раз теми механизмами, которые раньше позволили ей достичь того, чего она достигла»⁸. Эти историки, не отрицая огромного таланта Ростовцева и не избегая очарования его работ, все же не разделяют его представлений об античной экономике и обычно не способны их распространению. Среди них в первую очередь следует назвать М. И. Финли.

О Ростовцеве начали много говорить после того, как он опубликовал в 1926 г. в Оксфорде свою «Социально-экономическую историю Римской империи». Рецензии на нее в большинстве своем хотя и включали определенное количество обоснованных, но весьма общих похвал, содержали и сильные возражения. Впрочем, Ростовцев вполне сознавал, что ему не удалось убедить читателей, и в некоторых более поздних работах он возвращался к этой, по его мнению несраведливой, критике. В целом в то время она еще не была направлена против «модернизации» Ростовцевым экономики, поскольку большинство филологов и историков античности тогда были склонны модернизировать античную экономику — античный мир и мир современный не казались принципиально различными. Даже если некоторые авторы рецензий упрекали Ростовцева за прямые сравнения Римской империи III—IV вв. н. э. с Советской Россией, они делали это, не отказываясь от модернизаторства в принципе, а лишь потому, что считали такие сравнения схематичными и неуместными в научном труде. Их шокировало это вторжение злободневности и политики в *Altertumswissenschaft*, «Современная Россия — это вовсе не античный Рим», — писал англичанин Х. Ласт, который не слишком любил Ростовцева, и, однако же, в его рецензии подобные сопоставления используются столь же широко, как и в книге Ростовцева: римский плебс эпохи Гракхов сравнивается с современными безработными, а римская армия — с армией Великобритании⁹.

С другой стороны, Ф. Кюмон, дружба которого с Ростовцевым как раз тогда начиналась (Ростовцев сменил Кюмона на должности руководителя раскопок в Дуре Европос), полностью присоединился к идее, что греко-римская древность знала капитализм¹⁰.

Любопытно, что западные коллеги Ростовцева не радовались его декларируемому антимарксизму, а, напротив, упрекали его за то, что он слишком поддался влиянию марксистских идей. Ростовцев видел в политической и военной истории империи выражение борьбы между социальными группами — борьбы постоянной или по крайней мере очень длительной. Так, по его мнению, борьба между сенатом и всадническим сословием, с одной стороны, и городской буржуазией Италии и провинций — с другой, длилась несколько веков, с конца гражданских войн до эпохи Антонинов, и вылилась во II в. н. э. в триумф городской буржуазии всей империи. Именно тогда буржуазия Восточного Средиземноморья начала проникать в имперскую аристократию. Представление о том, что

⁸ Эта фраза заимствована из книги: *Jongman W. The Economy and Society of Pompeii*. Amsterdam, 1983. P. 203, чрезвычайно интересной (хотя с некоторыми выводами автора, конечно, можно спорить) и представляющей собой прекрасный пример того влияния, которое оказывают сейчас на западноевропейскую науку работы М. И. Финли и исследования, ведущиеся его последователями.

⁹ *Last H. // JRS. 1926. 16. P. 120—128.* Рецензия Х. Ласта была столь жесткой, что он в свою очередь подвергся острой критике со стороны Р. Магоффена (*Magoffin R. V. D. // AJA. 1927. 31. P. 514 f.*).

¹⁰ *Cumont F. // Revue belge de philologie et d'histoire. 1926. P. 1076.*

политическая борьба отражает общественную структуру, не общепринято. Критики Ростовцева отвергают, например, мысль о том, что разные части армии представляли разные социальные слои. Они отрицают это и для гражданской войны 68—69 гг.: Ростовцев объяснял этот кризис антагонизмом между городской буржуазией и народными массами, полагая, что преторианцы поддерживали и представляли один из этих общественных классов, а легионеры — другой. В Западной Европе скорее предпочитали не обращаться к подобным социальным противопоставлениям, а акцентировать внимание или на собственно политических факторах событий (Нерон находился в плохих отношениях с сенаторами — легатами легионов), или на факторах региональных, например на том, что Виндекс в некоторой степени мог выражать интересы по крайней мере части галльского населения.

Те же историки отказывались видеть борьбу классов и в событиях III в. и считать ее объяснением политического, военного и экономического кризиса империи. Точке зрения Ростовцева Г. Де Санктис, например, противопоставил свою, согласно которой следует придавать больше значения политике и культуре, причем он более прямо основывался на противопоставлении Востока и Запада. По его мнению, Позднюю империю характеризовала победа Востока, варварства и новой политической формы, в которой армия играла доминирующую роль¹¹. Даже историки, наиболее благосклонные к труду Ростовцева, кажется, не были полностью убеждены его концепцией упадка Рима. Именно так обстоит дело с Ф. Кьюмоном, которому мы обязаны самым кратким и лучшим резюме заключительной части книги Ростовцева: «После падения Северов разразилась революция. Максимиан, а после него другие императоры, возведенные на престол войсками, набравшимися в деревнях из крестьян, служили лишь орудием злобы сельского плебса. Они истребляли городскую буржуазию, то есть уничтожали наиболее предприимчивую и цивилизованную часть населения, что привело к разрушению и деградации империи»¹². Эти положения относительно упадка Римской империи, от которых сам Ростовцев впоследствии частично отказался, не перестают соблазнять некоторых историков, но с тем же постоянством отвергаются большинством их коллег как в США, так и в Западной Европе.

С течением времени рос авторитет Ростовцева среди американских и европейских коллег. Раскопки в Дуре Европос, публикация работы о караванных городах и, наконец, особенно издание в 1941 г. «Социально-экономической истории эллинистического мира» сделали его во мнении специалистов новым Моммзеном. По своим исходным посылкам вторая большая «Социально-экономическая история» вполне схожа с первой, однако новая книга более детальна и полна. Она была принята значительно лучше, чем работа 1926 г. Кроме того, поскольку в то время учебников для высшей школы было еще немного, обе книги широко использовались для обучения студентов всех уровней. Вследствие этого влияние Ростовцева сказалось на нескольких поколениях студентов — как тех, кто посещал университеты в 30-е годы, так и тех, кто поступил в них после второй мировой войны. Это влияние, восходящее еще к годам учебы, очень сильно. Его, однако, не всегда бывает легко точно определить, поскольку те, кто ему подвергся, не всегда осознают это или не испытывают потребности о нем говорить. Оно дает о себе знать то тут, то там некоторы-

¹¹ *De Sanctis G. Compte-rendu de M. Rostovtzeff. Social and Economic History of the Roman Empire // Rivista di Filologia e di Istruzione classica. 1926. 4. P. 537—554.*

¹² *Cumont. Op. cit. P. 1074—1078.*

ми признаками, в зависимости от личности более или менее явными. У крупнейших ученых, таких, как А.-И. Мару и Л. Робер¹³, это влияние как бы рассеянное и осознанное, у других оно гораздо более отчетливое и прямое. Содержание этого воздействия меняется в зависимости от области исследований.

Если речь заходит о Римской империи, прежде всего следует обратить внимание на те или иные типично ростовцевские тезисы, например об индустриализации Италии в I в. н. э., о противостоянии высшей аристократии и городской буржуазии в конце республики, о тенденции буржуазии превращаться в рантье и т. д., т. е. на определенный взгляд на экономику и общество. Те, кто испытал влияние Ростовцева, ставят во главу угла занятие экономической историей, но они не отделяют экономическую жизнь от социальных и даже политических проблем: они постоянно подчеркивают то влияние, которое экономика оказывает на политику городов и государств, иногда даже более настойчиво, чем их учитель. Они полагают, что общество разделено на соперничающие силы, действующие каждая в собственных интересах таким образом, чтобы государство им как можно больше благоприятствовало. Решения политической власти, как правило, результат соотношения этих сил, что вполне нормально, — именно это есть признак того, что государство не является деспотическим. Содержание экономической политики, которую можно ожидать от какого-нибудь античного города или государства, трудно определить, однако все последователи Ростовцева убеждены, что во всех случаях древние государства проводили экономическую политику, была ли она хороша или плоха.

Последователи Ростовцева иногда говорят о революции, однако в отличие от своего учителя гораздо меньше интересуются народными социальными революциями (которым он был враждебен, но о которых много писал), чем революциями «буржуазными», медленными позитивными экономическими и социальными изменениями, способными освободить экономику от архаичности и ввести ее в современную эпоху. Они особенно настаивают на необходимости исследовать товаропотоки, изменения и конъюнктуру, однако не обращают внимания на прочие экономические структуры, которые резко отличаются от нынешних. Почему же античная экономика, освобожденная таким образом от всего, что могло воспрепятствовать ее прогрессу, не достигла настоящей индустриальной революции? Это важный вопрос. Последователи Ростовцева более или менее ясно выражают мнение, что античность упустила эту возможность, что все было готово к экономическому развитию и что внеэкономические силы, которые трудно определить, положили конец этим великим надеждам. Исползуемый при этом словарь (капиталы, капитализм, буржуазия, индустрия, платежный баланс и т. д.) является не чем иным, как ключевыми словами, которые позволяют определиться по отношению к этим концепциям и представлениям. Они имели тем больший успех, что удачно накладывались на некоторые концепции экономической жизни, стихийно созданные археологами-классиками исходя из того толкования, которое они давали обнаруженным объектам.

Говоря о Римской Италии, обратимся к примеру Помпей. Как я показал 15 лет назад¹⁴, археологи, занимавшиеся Помпеями, такие, напри-

¹³ На обоих в особенности повлияли работы Ростовцева по эллинизму; см. *Marrou H. I. Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*. P., 1965. P. 536. Not. 4.

¹⁴ *Andreau J. Histoire des séismes et histoire économique, le tremblement de terre de Pompéi* (62 ap. J.-C.) // *AESC*. 1973. 28. P. 369—395; *idem*. *Il terremoto del 62 // Pom-*

мер, как А. Майюри, объясняя свои наблюдения над историей города в последние годы его существования, между 62 и 79 гг., основывались на общих суждениях Ростовцева, в особенности на том, что он называл «индустриализацией» Италии. Ростовцев утверждал, что в Италии I в. н. э. резко увеличилась коммерческая и промышленная активность и развивался «буржуазный» слой, который он был склонен представлять независимым от земельной олигархии и соперничающим с ней. Как он, так и Майюри прямо переходят от верного археологического наблюдения к экономической реконструкции, не вытекающей прямо из этого наблюдения. Кроме того, Майюри, используя книгу М. И. Ростовцева, недостаточно учитывает особую ситуацию в Помпеях, обусловленную землетрясением 62 г. н. э.

Увлечшись идеями долговременной эволюции, Майюри стремится доказать вслед за Ростовцевым, что в Италии этого времени произошли большие перемены в экономике, которые подвели ее гораздо ближе к современности и могут быть охарактеризованы как появление капитализма.

Что касается эллинизма, и в особенности Египта, то влияние Ростовцева на его изучение выразилось по-разному. Хотя его статья 1936 г.¹⁶ и «Социально-экономическая история эллинизма» вносят множество новых нюансов в то, что он писал о птолемеевской экономике в 1920 г.¹⁶, главным оставалось для него то, что это была полностью регулируемая экономика. Как пояснила К. Прео, Ростовцев считал птолемеевскую экономику государственным хозяйством, основанным на присвоении царем собственности на все средства производства и, главное, на землю¹⁷. Даже если некоторые методы управления хозяйством могли вести свое происхождение из греческого полиса, формирование такого государственного хозяйства объяснялось прежде всего сохранением египетских традиций. Влияние этих взглядов сильно ощущается в фундаментальной книге К. Прео¹⁸, но впоследствии, начиная с 60-х годов, она все больше от них отходила, как видно из процитированной выше статьи, и стала настаивать на определенной преемственности между классической Грецией и эллинистическим Египтом¹⁹.

В 50—60-е годы появились более или менее решительные оговорки и даже голоса несогласных. О Помпеях, например, в 1950 г. Э. Лепоре опубликовал статью (которую стали широко цитировать лишь в 60-е годы), где выдвинул сильные возражения против выводов А. Майюри, изложенных мною выше²⁰. Во Франции Э. Вилль опубликовал в 1954 г. рабо-

péi 79. Naples, 1979 (1984²). P. 40—44; cf.: *idem*. Remarques sur la société pompéienne (à partir des tablettes de L. Caecilius Jucundus) // *Dialoghi di Archeologia*, 1973. 7. P. 213—254; *idem*. Les Affaires de Monsieur Jucundus. Rome, 1974.

¹³ The hellenistic World and its economic development // *American Historical Review*, 1936. 41. P. 231—252.

¹⁶ The foundations of social and economic life in Egypt in hellenistic Times // *JEA*, 1920. 6. P. 161—178.

¹⁷ *Préaux C.* L'économie Lagide: 1933—1958 // *Proceedings of the IX-th Intern. Congress of Papyrology (Oslo, 1958)*. Oslo, 1961. P. 200—232.

¹⁸ *Eadem.* L'économie royale des Lagides. Bruxelles, 1939. Влияние этих положений Ростовцева было особенно заметно на VII Папириологическом конгрессе в Женеве, посвященном теме «Специфика Египта в греко-римском мире»: см. *Museum Helveticum*, 1953. 10. P. 129—280

¹⁹ См., например: *Préaux C.* De la Grèce classique a la l'Égypte hellénistique. la banque-témoin // *Chronique d'Égypte*, 1958. 33. P. 243—255; *eadem.* Les continuités dans l'Égypte gréco-romaine // *Actes du Xe Congrès International des Papyrologues (Varsovie — Cracovie, 1961)*. Wrocław — Varsovie — Cracovie, 1964. P. 231—248.

²⁰ *Lepore E.* Orientamenti per la storia sociale di Pompei // *Pompeiana*. Naples, 1950. P. 144—166.

ту, в которой подвел итог исследованиям древнегреческой экономики в течение трех четвертей века и явно показал свои предположения²¹. Через несколько лет П. Вейн опубликовал статью, прямо направленную против Ростовцева²². Он отказывался видеть в образе Трималхциона признак экономического процветания, того, что Ростовцев называл «индустриализацией Италии». Он подчеркнул важность юридического статуса и личных связей: Трималхцион имел счастье наследовать своему патрону, причем патрону богатейшему, и принадлежал к весьма узкой группе независимых вольноотпущенников. Крупномасштабные торговые операции Трималхциона, над которыми, впрочем, Петроний насмехается и которые чуть было не привели к его полному разорению, были бы невозможны, не получи он огромного наследства.

Показательны даже умолчания Ж. Руже в его большой книге об античной торговле. Кратко отдавая дань уважения Ростовцеву на ее первых страницах, он, однако, подчеркивает, что в отличие от своего великого предшественника не будет заниматься ни дорогами, ни грузопотоками, а прежде всего — структурами, организацией морской торговли и «сложными юридическими проблемами, связанными с осуществлением этой торговли»²³. На первый план он выдвигает имена Л. Гольдшмидта и П. Ювелена²⁴, а не Ростовцева.

Однако эти несогласные голоса не были поначалу многочисленными. Их становится гораздо больше к 1970 г.

Закат Ростовцева в 70-е годы был особенно заметен в Великобритании и странах, наиболее подверженных британскому влиянию (Скандинавские страны, Нидерланды). Менее всего это ощущалось в Италии. Очевидно, отчасти этот закат был связан со все большим ростом внимания к работам М. И. Финли, однако выдающаяся интеллектуальная мощь великого кембриджского историка недостаточна для объяснения. Отмечая этот закат в статье 1975 г., Х. В. Плекет анализирует три работы, свидетельствующие о нем: одна из них принадлежит М. И. Финли, но две другие — Р. Дункан Джонсу и Р. Мак Маллену, авторам, достаточно далеким по своим взглядам от М. И. Финли²⁵. В начале 70-х годов в Италии влияние Э. Лепоре было по меньшей мере столь же сильно, как и М. И. Финли; во Франции аналогичную роль играли К. Николе и П. Вейн. (Что касается, например, лично меня, то вовсе не чтение работ М. И. Финли подвигло меня на написание того, что я написал о Помпеях; Финли ни разу не цитируется в моей книге «Les Affaires de Monsieur Jucundus».) Как бы то ни было, после публикации «Древней экономики» и выхода в свет ее переводов авторитет Финли во всем мире все более возрастал, что могло привести лишь к самым печальным для посмертного ореола Ростовцева последствиям.

²¹ Will E. *Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique* // AESC. 1954. 9. P. 7—22.

²² Veyne P. *Vie de Trimalcion* // AESC. 1961. 16. P. 213—247.

²³ Rougé J. *Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Méditerranée*. P., 1966. P. 7—9.

²⁴ Goldschmidt L. *Handbuch des Handelsrechts*. Bd I. *Universalgeschichte des Handelsrechts*. Stuttgart, 1891. S. 47—94; Huvelin P. *Essai historique sur le droit des foires et des marchés*. P., 1897; *idem*. *Etudes d'histoire de droit commercial romain*. P., 1929.

²⁵ Pleket H. W. *Afscheid van Rostovtzeff* // Lampas. 1975. 8. P. 267—284. Три работы, которых касается Плекет, следующие: *Duncan Jones R. The Economy of the Roman Empire. Quantitative Studies*. Cambr., 1974; *Studies in ancient Society* / Ed. Finley M. I. L., 1974; *Mac Mullen R. Roman Social Relations, 50 B. C. to A. D. 284*. New Haven, 1974.

Следовало бы написать общий историографический очерк развития наук об античности в этот период, однако здесь не место для него²⁶. Ограничимся лишь упоминанием двух американских историков, которые стремились защитить и передать следующим поколениям наследие Ростовцева. Исследования первого из них, В. О. Меллера, касаются более узких тем, причем он сам открыто считает эти работы продолжением творчества М. И. Ростовцева. Они не оказали большого влияния. Работы другого — Дж. Г. Д'Армса — гораздо в большей степени пропитаны ростовцевскими идеями, чем сам автор готов признать. Они стали очень популярны в Италии.

Меллер возобновил дискуссию конца прошлого и начала этого века об античной экономике на том месте, где Ростовцев ее закончил²⁷. Он исследует ткацкое производство и стремится показать, что ткачество было сосредоточено главным образом не в доме, ойкосе, объединявшем производство и потребление, а вне его. Представление об ойкосе, особенно отстаиваемое в конце прошлого века К. Бюхером, многократно подвергалось критике, причем его противники (Э. Мейер, К. Белох, М. И. Ростовцев) всеми силами стремились показать несостоятельность этого представления даже тогда, когда уже никто больше не верил в теории Бюхера²⁸. Меллер наследует эту традицию. В своей монографии о переработке шерсти в Помпеях он стремится доказать, что Помпеи были крупным промышленным центром, контролировавшимся прежде всего суконовалами; приготавливая необработанную шерсть, очищая ткань после ее изготовления, а также уже поношенные одежды, фуллонии становились настоящими капиталистическими предпринимателями. Все это дополнялось наличием так называемого здания Эвмахии — рынка шерсти, где встречались самые крупные предприниматели. Наконец, В. О. Меллер уверен, что на муниципальную политику сильно влияло «лобби» текстильщиков, и пытается выявить, какие кандидаты на муниципальных выборах и какие магистраты пользовались их поддержкой.

Действительное назначение здания Эвмахии остается, конечно, неизвестным, однако в остальном то, как В. О. Меллер интерпретирует археологические находки и предвыборные надписи, оставляет желать лучшего. С другой стороны, непонятно, зачем он столь настойчиво стремится доказать, что ткани и одежда часто производились вне дома, в специальных мастерских и лавках, в чем и так никто больше не сомневается. Представление об автаркичном ойкосе, совмещавшем производство и потребление, сейчас уже не играет той роли, которую играло во времена К. Бюхера и даже М. И. Ростовцева.

Что до исследований Д. Г. Д'Армса²⁹, то они, очевидно, гораздо глубже. Характерно, что, ссылаясь на Ростовцева, автор теперь несколько

²⁶ Относительно Франции см.: *Andreau J., Etienne R. Vingt ans de recherches sur l'archaïsme et la modernité des sociétés antiques* // REA. 1984. 86. P. 55—83.

²⁷ *Moeller W. O. The Wool trade of Ancient Pompeii*. Leiden, 1976; *idem. The riot of A. D. 59 et Pompeii* // *Historia*. 1970. 19. P. 84—95; *idem. Snaeus Alleius Nigidius Maius, princeps coloniae* // *Latomus*. 1973. 32. P. 515—520. Выводы Меллера, слишком смелые и поспешные, подверглись справедливой критике: *Jongman W. The Economy and Society of Pompeii*. P. 155—186; См. также *Andreau. Les Affaires...* P. 281—294.

²⁸ Об этой дискуссии см.: *The Bücher-Meyer Controversy* / Ed. M. I. Finley. N. Y., 1979; *Will. Op. cit.: Austin M., Vidal-Naquet P. Economies et sociétés en Grèce ancienne*. P., 1972. P. 44—46.

²⁹ *The Seaborne commerce in Ancient Rome: studies in Archaeology and History* / Ed. J. H. D'Arms. *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1980. 36; *D'Arms J. H. Commerce and social standing in Ancient Rome*. Cambr.—L., 1981.

дистанцируется от него. Как и Ростовцев, Д'Армс стремится доказать, что в римском мире конца Республики и Ранней империи преобладало богатство, нажитое торговлей, и настаивает на том, что существовал класс дельцов, который частично сливался с аристократией и остальной элитой. Но он охотно допускает, что эти деловые люди не всегда были профессиональными торговцами. Главное для него — доказать, что римская аристократия пополнялась предпринимателями по призванию, прежде всего торговцами. Что же до теорий Ростовцева о классовой борьбе (между «буржуазией» и народными массами) и об упадке империи, они его совершенно не интересуют³⁰.

В последние 15 лет некоторые специалисты в области романистики вновь стали с большей или меньшей осторожностью возвращаться к тем или иным положениям Ростовцева, например о существовании торговой и промышленной элиты или об экономической политике городских общин и государств. Один из них — А. Карандини, все более определенно ссылающийся на Ростовцева³¹. Дискуссия о работе Ф. М. Хайхельхайма, организованная в свое время журналом «Dialoghi di Archeologia», стала в некоторых отношениях данью уважения Ростовцеву, который удачно избежал ошибок другого выдающегося эмигранта³².

Однако в настоящее время подобные выступления в поддержку Ростовцева остаются все же изолированными. Как писал Г. В. Плекет, Ростовцев покинут, и о возвращении к нему нет и речи. Научный мир все больше отходит, например, от представления Ростовцева об эллинистических царствах как в высшей степени дирижистских государствах. Мало кто верит теперь и в то, что царство Лагидов оказало большое идеологическое и культурное влияние на становление Римской империи.

Однако творчество Ростовцева, пройдя через чистилище 70-х и начала 80-х годов, более не вызывает былой полемики. Его работы стали общим достоянием, и их справедливо ценят за собранную в них огромную сумму информации, за гениальный синтез, за то, что они представляют прекрасный пример того, что археология может дать истории. Творчество Ростовцева становится темой историографических исследований, которые ведутся тем легче, что его фигура объединяет в себе яркую индивидуальность, богатый опыт и чрезвычайно четкие исторические идеи. Ростовцеву посвящены статьи С. Б. Уэллза³³, А. Момильяно³⁴, затем К. Христа³⁵ М. Вэса³⁶ и А. Марконе³⁷. И если Ги Шелле, руководитель серии «Вои-

³⁰ Об идеях Д. Г. Д'Армса и о их соотношении с идеями Ростовцева см.: *Andreu J. Modernité économique et statut des manières d'argent // Mélanges de L'École Française de Rome, Antiquité. 1985. 97. P. 373—410.*

³¹ См., например, *Carandini A. Schiavi in Italia. Rome, 1988. P. 16.* «Посвящая этот сборник статей памяти Михаила Ростовцева, непревзойденного знатока немых и говорящих орудий, необходимых для изучения социальной и экономической истории Римской империи».

³² *Dibattito sull'edizione italiana della «Storia economica del mondo antico» di F. Heichelheim // Dialoghi di Archeologia. 1973. 7. P. 294—363.*

³³ *Welles. Michael Ivanovich... P. 128—133; idem. M. I. Rostovtzeff. P. 142—144.*

³⁴ *Momigliano. Aspetti di M. Rostovtzeff. P. 160—164; idem. Rostovtzeff's twofold. P. 116—117; idem. In memoria di M. Rostovtzeff P. 481—495; idem. M. I. Rostovtzeff. P. 334—346; idem. Una nota su Rostovtzeff. P. XXVII—XLI.*

³⁵ *Christ K. Von Gibbon zu Rostovtzeff. Darmstadt, 1979². S. 334—349; idem. Römische Geschichte und deutsche Geschichtswissenschaft. München, 1982, passim.*

³⁶ *Wes M. A. Michael I. Rostovtzeff (1870—1952) // Historici van de twintigste eeuw. Utrecht — Anvers — Amsterdam, 1981. P. 61—81; idem. The Russian Background of the young Michael Rostovtzeff // Historia 1988. 37. P. 207—221.*

³⁷ *Marcone A. Una poco nota recensione di M. Rostovzev // Athenaeum. 1987. 65. P. 541—542; idem. Il colonato tardo-antico nella storiografia moderna (da Fustel de Cou-*

quins) (издательство «Робер Лаффон»), решил опубликовать французский перевод обеих больших «Социально-экономических историй», то сделал он это не потому, что происходит «возврат» к Ростовцеву, а потому, что считал его труды, как и труды Гиббона или Мишле, принадлежащими отныне к общему историческому достоянию всех образованных людей³⁸. В наше время по-прежнему судьба Ростовцева в умах западных интеллектуалов в целом не зависит от его политических позиций: его отвергают вовсе не за филокоммунизм, а ценят вовсе не за антикоммунизм.

Так завершается, по крайней мере до новых изменений, история влияния творчества Ростовцева, всегда вызывавшего большой интерес в Западной Европе и Северной Америке. Вначале это было недоверие, затем, примерно в 30—70-х годах, настоящий культ, потом период все большего отхода от ростовцевских идей (примерно с 1970 до 1985 г.) и, наконец, реабилитация Михаила Ивановича как автора великих работ прошлого, общепризнанных, но менее актуальных, чем прежде, и неспособных более вызывать такие острые дискуссии, как когда-то*.

langes ai nostri giorni). Come, 1988; *idem.* Michele Rostovtzeff e l'Istituto Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894—1927) // *Critica storica.* 1988. 25. P. 339—350; *idem.* Rostovtzeff e il colonato romano // *Ibid.* 1989. 26. P. 75—114.

³⁸ *Rostovtzeff M. J.* Histoire économique et sociale de l'Empire romain. P., 1988; *idem.* Histoire économique et sociale du monde hellénistique. P., 1989; cf: *Andreau J. M.* Rostovtzeff et le capitalisme antique vu de Russie // *Pallas.* 1983. 33. P. 7—17; *idem.* La Révolution russe est-elle soluble dans l'Empire romain? // *L'Histoire.* 1987. 104. P. 77—79; *idem.* M. I. Rostovtzeff, la décadence romaine et la Révolution russe // *Actualité de l'Antiquité* / Ed. J.-M. Pailler. P., 1989. P. 27—33.

* Перевод с французского А. И. Иваичика.

L'INFLUENCE DE MICHEL I. ROSTOVTSEFF EN EUROPE OCCIDENTALE ET EN AMERIQUE DU NORD

J. Andreau

Dès avant son départ de Russie, en 1918, M. I. Rostovtzeff jouissait, dans les pays d'Europe occidentale, d'une grande estime scientifique. Mais son influence sur la vie érudite et intellectuelle, en Europe occidentale et aux Etats-Unis, a beaucoup varié selon les époques. Au début de ses années d'exil c'est la méfiance qui domine. Plus tard, c'est au contraire le triomphe de son influence, qui va durer du milieu des années 1930 au début des années 1970, surtout dans les pays anglo-saxons. Elle est tout d'abord en rapport avec la conception (plus ou moins archaïque ou plus ou moins moderne) qu'on se fait de l'économie antique: ceux qui ont pleinement reçu l'influence de Rostovtzeff et l'ont volontiers transmise, ce sont les «modernistes», qui insistent sur la relative modernité de l'économie antique, et pensent qu'elle n'a pas atteint son plein développement. D'autres, dont je me sens personnellement plus proche, pensent que l'économie antique a atteint ses limites. Au premier rang de ces derniers, il faut nommer Moses I. Finley dont le rayonnement croissant, vers 1970, nuit à l'influence des idées de Rostovtzeff, qui sont ouvertement critiquées. Mais, après avoir connu un purgatoire au cours des années 1970 et au début des années 1980, Rostovtzeff ne suscite plus autant de polémiques. Son oeuvre est entrée dans le patrimoine commun; on la tient à juste titre pour une somme d'informations, pour une géniale synthèse, pour un bel exemple de ce que l'archéologie peut apporter à l'histoire; et elle devient en outre un thème d'études historiographiques. Elle le devient d'autant plus aisément qu'on trouve réunies chez Rostovtzeff une forte personnalité, une riche expérience et des idées historiques très tranchées.